Белов Сергей Игоревич

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ИНДИКАТОР ПРОМЫШЛЕННОГО КРИЗИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1917 ГГ.)

Статья посвящена изучению законодательных актов периода Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.) как индикатору промышленного кризиса в России. Анализируется влияние топливного, сырьевого, транспортного кризисов на развитие отечественной промышленности и их отражение в отечественном законодательстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

групп людей, как видится, не может быть сравнима с порождающим ее явлением по силе, скорости и масштабу. Можно предположить, что разрыв между действием телоцентрической установки и противодействием со стороны реакционных тенденций со временем может достичь такого уровня, что именно противоположные телоцентризму феномены культуры станут играть решающую роль в ее дальнейшем развитии.

Известно, что кризис никогда не есть полное разрушение системы, поскольку он сопровождается появлением новых образований внутри нее. На наш взгляд, кризисные тенденции, развивающиеся в рамках телоцентризма, неизбежно должны привести к переоценке ценностей, которая скажется в конечном итоге на том, что человечество сможет открыть новый уровень существования и осмысления телесности и перейти на него. Однако, учитывая, что культура является сложной самоорганизующейся системой, намеренно форсировать существующее положение вещей, стараться его преодолеть нам представляется неверным, поскольку подобная стратегия может нарушить естественное развитие этой системы.

Список литературы

1. **Быховская И. М.** *Homo somatikos*: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000. 208 с.
2. **Грааф Д. де, Ванн Д., Нэйлор Т. Х.** Потреблятство: болезнь, угрожающая миру / пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург: Ультра; Культура, 2005. 392 с.
3. **Золотоносов М. Н.** Телоцентризм // Вечерний Петербург. 1996. № 42.
4. **Колесник М. В.** Телоцентризм в эпоху массовой культуры. Омск: Изд-во Омского экономического института, 2010. 136 с.
5. **Конфедерат О. В.** Прозрачный кадр: концептуальный фильм как опыт нерефлективной антропологии. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 312 с.
6. **Овруцкий А. В.** Глобальный кризис как кризис сверхпотребления: социально-философские аспекты // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 102-105.
7. **Соколов-Митрич Д.** Вещь вне себя [Электронный ресурс]. URL: http://www.izvestia.ru/news/366910 (дата обращения: 31.01.2012).
8. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ.; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. **Сумин В. А.** Вниз по карьерной лестнице [Электронный ресурс]. URL: http://www.zarplata.ru/a-id-7872.html## (дата обращения: 01.02.2012).
10. **Цукерман В. С.** Культура и кризис // Культура – искусство – образование: единство теории и практики. Челябинск: Изд-во Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2010. С. 125-128.
11. **Эпштейн М. Н.** Философия тела. **Тульчинский Г. Л.** Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

CRISIS TENDENCIES IN WESTERN CULTURE TELOCENTRISM OF THE END OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Yaroslav Borisovich Barichko
Department of Culturology and Sociology
Chelyabinsk Academy of Culture and Arts
barislav87@gmail.com

The author undertakes the attempt to answer the question concerning the prospects of modern culture telocentric paradigm, and analyzing the situation of human body problem today concludes that in the near future telocentrism will be in crisis that can lead to values reappraisal, which in turn will give a man the impulse to move to new corporeality existence and understanding level.

Key words and phrases: body; corporeality; telocentrism; crisis, consumer society.

УДК 947

Статья посвящена изучению законодательных актов периода Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) как индикатору промышленного кризиса в России. Анализируется влияние топливного, сырьевого, транспортного кризисов на развитие отечественной промышленности и их отражение в отечественном законодательстве.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; промышленность; государственный заказ; транспортный кризис; топливный кризис; сырьевой кризис.

Сергей Игоревич Белов
Кафедра истории России
Ивановский государственный университет
Belov2006S@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ИНДИКАТОР ПРОМЫШЛЕННОГО КРИЗИСА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1917 ГГ.)©

Первая мировая война породила потребность в коренной перестройке механизма функционирования российской промышленности. Причем подобные изменения требовали не только соответствующего планирования,

© Белов С. И., 2012

необходимых материальных ресурсов и усилий по мобилизации производства со стороны правительства и общественных организаций. Преобразование фабрично-заводской индустрии было немыслимо без создания необходимой законодательной базы, введения новых норм и преобразования уже существовавших.

Первым значимым законодательным актом, повлиявшим на работу промышленных предприятий, стал закон «О некоторых мерах финансового характера ввиду обстоятельств военного времени» от 27 июля 1914 г. Он отменял обмен государственных кредитных билетов на золотую монету. Результатом этого явилось обострение инфляционных явлений. Уже в конце 1915 г. 10-рублевые золотые монеты продавались за 16-17 бумажных рублей. Обесценившиеся кредитные знаки вытеснили из обращения сначала золото, а потом и серебро, в результате в обращении остались только бумажные деньги. К началу 1917 г. покупательная способность рубля упала по сравнению с 1913 г. в 7 раз. Результатом этого стал рост цен на продовольствие, сырье, полуфабрикаты и, как следствие, повышение стоимости промышленных товаров и падение уровня жизни населения, в том числе рабочих [7, с. 67].

Вслед за этим началось издание законов, представлявших собой механизмы прямого регулирования экономики государством. 31 июля 1914 г. были заморожены цены на табачные изделия и алкоголь (позднее торговля им вообще прекратилась вследствие введения сухого закона), и это стало первым шагом властей по борьбе с инфляцией [Там же, с. 73, 78]. В дальнейшем ассортимент товаров, цены на которые устанавливались сверху, был расширен. Его пополнили предметы массового потребления (так, 14 сентября 1915 г. были установлены предельные цены на спички) и различные виды сырья (отдельные сорта шерсти, хлопок и его семена, уголь-антрацит и т.д.) [9, с. 60, 67, 69, 89].

Распоряжение министра финансов от 12 августа 1914 г. положило начало борьбе правительства с разразившимся продовольственным и сырьевым кризисом. Согласно данному акту, из страны запрещалось вывозить через сухопутную границу Европейской России и через все порты Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей основные виды продуктов питания, табак, дерево, кожи, шерсть, каменный уголь, кокс, железную руду, нефть и нефтепродукты, азотную и серную кислоту, резину и т.п. [7, с. 151-152]. 3 сентября в этот перечень вошла марганцевая руда (марганец – один из главных видов сырья для производства легированной стали) [Там же, с. 216-217]. 8 октября 1914 г. к этому списку были добавлены сталь, медь, латунь и свинец [Там же, с. 390-391].

29 августа 1914 г. был принят именной высочайший указ «О продлении срока действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о дальнейшем оставлении некоторых местностей Империи на положении чрезвычайной охраны». В тексте закона не прописывались какие-либо меры, имеющие прямое отношение к промышленному производству, однако впоследствии на его основании на местах был принят целый ряд локальных актов, регулировавших ситуацию в данной сфере. Так, на основании положения о чрезвычайной охране были предприняты шаги по ограничению стачечной активности рабочих. Согласно разработанным губернаторами нормам, воспрещалось «подстрекательство и принуждение к стачкам и забастовкам рабочих, служащих на фабриках, заводах и всякого рода промышленных и торговых предприятиях». Помимо того, государство пошло на такой шаг как защита штрейкбрехеров, поставив вне закона «всякого рода действия, направленные к удалению поступивших на работу» и посягательства «по отношению к другим лицам с целью воспрепятствовать работе или исполнять обязанности». Совершение подобных правонарушений каралось в административном порядке заключением или же арестом на 3 месяца, или денежным штрафом до 3 000 рублей. Показательно, что наложенные взыскания за нарушение указанных норм полиции полагалось приводить в исполнение не позднее 3 дней с момента предъявления обвинения, что явно указывает на чрезвычайный характер данных законов [3, д. 1070, л. 44].

Также указ 29 августа 1914 г. лег в основу ряда норм, регулировавших распределение сырья и готовой продукции. В частности, владимирским губернатором были изданы постановления, обязывавшие владельцев предприятий, производивших востребованную армией продукцию (к примеру, кожевенных фабрик) или же использующих необходимое в оборонном производстве сырье (бензол, толуол, крезол, карбоновую кислоту, нафталин, древесный спирт и т.д.) предоставлять сведения о наличии у них продукции и товаров, ограничить их продажу только лицам, имеющим соответствующее разрешение от властей, и производить ее по ценам, установленным специальными оценочными комиссиями [5, д. 338, л. 57, 66, 71, 74, 77, 80].

4 сентября 1914 г. был издан первый закон, регулировавший работу промышленности напрямую – положение Совета министров о заготовлении необходимых для армии и флота предметов и материалов. Указанный нормативный акт предусматривал, что предприятия, занимавшиеся изготовлением востребованной армией продукции, должны ставить военные заказы первыми в порядке очередности исполнения. Более того, если собственник предприятия отказывался принять военный заказ, то фабрика могла быть временно «взята в распоряжение Правительства». В том случае, если владелец предприятия изначально был согласен сотрудничать, но в дальнейшем стороны не приходили к соглашению, власти оставляли за собой право изъять с завода сырье и материалы, компенсировав их стоимость по расценкам, установленным особыми губернскими комиссиями. Также закон освобождал работавшие на оборону промышленные заведения от ответственности перед прочими клиентами в случае нарушения сроков выполнения заказа, если задержка произошла в результате срочного удовлетворения запросов военного и морского ведомств. Для обсуждения вопросов, связанных с действием данного закона, создавался специальный комитет из представителей Министерства торговли и промышленности, военного и морского ведомств [7, с. 274-275]. 17 октября 1914 г. закон дополнило положение об установлении особого надзора за деятельностью промышленных заведений,

исполняющих военные заказы. Отныне управляющие предприятиями, работавшими на оборону, должны были немедленно сообщать уполномоченным военного и морского ведомств о любом принятом заказе, по требованию последних немедленно предоставлять им производственную документацию и следовать их распоряжениям относительно очередности выполнения работ. Управляющих также обязывали принимать все необходимые меры к ликвидации задержек в выполнении заказов перечисленных ведомств (согласно указаниям соответствующих уполномоченных) [Там же, с. 372].

Был принят также комплекс законов, призванных мобилизовать для военных нужд транспорт. Первым это коснулось морского и речного транспорта – 24 июля 1914 г. обрело силу закона положение Совета министров о порядке привлечения принадлежащих Министерству торговли и промышленности судов, иных перевозочных и погрузочных приспособлений и состоящего при них личного состава к военно-судовой повинности [Там же, с. 78-83]. Затем пришел черед железных дорог. 8 августа 1914 г. был издан именной высочайший указ об объявлении Сибирской железной дороги в районе между станциями Челябинск и Боготол и Омской железной дорогой между станциями Тюмень и Омск на военном положении. В соответствии с ним, командующий военным округом установил полный контроль за движением на данных участках железной дороги, а также получил в подчинение местные жандармско-полицейские управления [8, с. 150-151]. 6 сентября 1914 г. эта практика была распространена на участок Сибирской железной дороги между станциями Иннокентьевская и Забайкальская и Китайско-Восточной с ее Уссурийским отделением [Там же, с. 264]. Еще ранее, 3 августа 1914 г., было принято высочайше утвержденное положение Совета министров о расширении прав начальника Управления железных дорог, согласно которому он выводился из-под контроля инженерного совета и технического совещания. Это должно было, по мысли законодателей, ускорить принятие решений по наиболее важным вопросам, в том числе заготовке материалов, подвижного состава, выбору способов исполнения работ на дорогах и т.д. [Там же, с. 156-157].

30 октября 1914 г. вышло постановление министра путей сообщения о правилах регулирования отправления грузов особыми совещаниями при порайонных комитетах. Согласно данному акту, особые совещания получили право устанавливать внеочередную отправку грузов. Особым совещаниям вменялось также в обязанность проверять, в случае отсутствия указаний из центра, насколько остро запрашиваемая перевозка требуется в общегосударственных интересах. Здесь нужно отметить, что указанное постановление и соответствующие правила носили скорее декларативный характер. Так, обращают на себя внимание следующие формулировки в тексте закона: «…объявляю о том во всеобщее сведение и предлагаю принять таковые правила к руководству… На председателей… комитетов возлагается обязанность следить, по возможности…» [Там же, с. 512-513]. Т.е. данный акт содержал в себе рекомендации, а не жесткие требования.

С 3 ноября 1914 г. начало действовать положение Совета министров об установлении временного налога с перевозимых по железным дорогам гражданских грузов. С каждого груза, в зависимости от вида товара, взималась пошлина, размер которой колебался от 1/47 коп. с пуда за версту до 10 коп. Для промышленного сырья и топлива размер взимаемой суммы изменялся от 0,25 коп. до 4 коп. Изначально срок действия положения ограничивался годом, однако впоследствии он дважды продлевался на тот же срок [Там же, с. 488-490].

Также был принят ряд законов, которые были призваны защитить в материальном плане мобилизованных и их семьи, в том числе фабрично-заводских рабочих. 11 августа 1914 г. вышел именной высочайший указ об образовании совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Созданный на основании данного акта орган должен был координировать деятельность правительственных учреждений, общественных организаций и частных лиц в указанной сфере. За два дня до этого было утверждено положение Совета министров, согласно которому семьям мастеровых, рабочих и низших служителей казенных заводов, фабрик, мастеровых и т.п. заведений должна была быть оказана материальная помощь в виде ежемесячных денежных пособий (размер их зависел от величины семьи и составлял от 25 до 50% от заработка кормильца) и продовольственного пособия. Рабочие, не имевшие семей, согласно данному акту могли рассчитывать на получение единовременной выплаты в размере двухмесячного заработка из расчета жалования, полученного за последний месяц перед призывом. При этом в законе оговаривалось, что прекращение выплат может наступить еще до возвращения рабочего с фронта. Условием этого было истечение срока найма рабочего на предприятии, который был прописан в его контракте. Другим условием прекращения выплат могло стать получение семьей какой-либо пенсии от государства. Одновременно было принято положение, устанавливавшее в качестве источника финансирования данной социальной программы военный фонд [7, с. 107, 163-164, 167-169].

Правительством также был выработан ряд норм, призванных в законодательном порядке содействовать разрешению порожденной мобилизацией проблемы «кадрового голода» на производстве. В рамках этого направления было издано положение Совета министров о военнопленных от 7 октября 1914 г., дополнение к нему от 27 октября 1914 г., «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» и «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 29 мая 1915 г., а также их новая редакция от 5 июня того же года [7, с. 337; 12, с. 250, 487-488, 491].

Также законодательно было закреплено использование еще одного источника для компенсации потери рабочих рук на предприятиях – «желтых» рабочих, т.е. китайцев, корейцев, а также выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Изначально их привлечение к работе на промышленных предприятиях регулировалось

«Правилами об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы» от 4 апреля 1916 г., затем – «Особым журналом Совета министров» от 5 августа и «Правилами о найме и перевозке рабочих желтой расы» от 6 сентября 1916 г. Наконец, 27 сентября 1916 г. был принят итоговый документ – новая редакция «Особого журнала Совета министров» [6, д. 5217, л. 17, 32].

Отдельно необходимо затронуть вопрос об изменениях в фабричном законодательстве, регулировавшем отношения на производстве. Требования об усовершенствовании трудового законодательства были одними из наиболее важных в рабочем движении в последнее предвоенное десятилетие. Это наглядно демонстрирует тот факт, что в ходе 531 выступления рабочих, зафиксированного на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в 1905 году, было предъявлено 381 требование законодательного характера (9,88% от общего их числа) в 148 выступлениях (27,87%) [10, с. 27-29].

К началу Первой мировой войны в Российской империи сложился комплекс законов, регулировавших трудовые отношения в фабрично-заводской промышленности. В «Своде законов Российской империи» акты, касавшиеся взаимоотношений между наемными работниками, собственниками предприятий и государством, были объединены в рамках «Устава о промышленности», а также составляли отдельный «Устав о промышленном труде» [14, с. 71].

В первую очередь фабричное законодательство было сосредоточено на проблеме условий трудового договора: найме и увольнении, регулировании рабочего времени, размере заработной платы, разрешении трудовых конфликтов, условиях труда и расчета с рабочими, охране труда и технике безопасности. Нормы «Устава» защищали основные права рабочих, а также ограничивали эксплуатацию женщин и несовершеннолетних на производстве.

Однако практика показывала, что фабричному законодательству империи был присущ ряд существенных недостатков. Налицо было отсутствие действенного контроля за исполнением его норм. Численность штатов фабричной инспекции была относительно невелика, в то время как ее обязанности отличались значительной широтой. Так, в 1899 г. в рамках ее структуры работало 257 инспекторов, за счет чего на каждого из них в среднем приходилось 80 предприятий с общим числом занятых - 5 520 рабочих. В результате институт фабричной инспекции чисто физически не мог выполнить возложенную на него задачу [Там же].

Имелись и другие проблемы. Так, инспекцией протоколировалась, как правило, лишь очень малая часть нарушений (5-6%), что было связано со стремлением чиновников не обострять отношения с предпринимателями, а также размытостью норм, предусматривавших ответственность заведующих по выявленным нарушениям. Помимо того, проблемы могли возникнуть при передаче протоколов о нарушениях в губернские присутствия по фабрично-заводским делам, так как их работа зачастую проходила в присутствии и при активном участии собственников крупных предприятий. Так, в работе Костромского губернского присутствия принимали в предвоенные годы участие крупнейшие костромские фабриканты: В. А. Зотов, В. А. Шевалдышев, Л. М. Моргунов. Как результат, данным органом рассматривались преимущественно нарушения управляющих и владельцев сравнительно мелких предприятий. За период 1907-1914 гг. лишь однажды (на сумму в 25 рублей) был оштрафован заведующий более или менее крупной фабрикой – Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной (принадлежавшей Л. М. Моргунову) – Н. А. Воронов за принуждение подмастерьев к сверхурочным работам в праздничные дни. На менее влиятельных фабрикантов за куда более мелкие провинности налагались штрафы от 40 до 100 рублей, которые не были ощутимы для них [11, д. 428, л. 795; 12, с. 23].

Предприниматели также зачастую использовали тонкости формулировок закона, чтобы избежать материальных затрат, сотрудники фабричной администрации активно потворствовали своим работодателям. Так, согласно закону 1903 г. «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших работоспособность вследствие несчастных случаев», фабриканты освобождались от ответственности, если докажут, что причиной несчастного случая была грубая неосторожность рабочего. Промышленники активно использовали эту лазейку в законе. В одной из записок фабричного инспектора 4-го участка Костромской губернии, в частности, указывается, что почти каждый рабочий обращался к нему с жалобой на то, что фабричный доктор признает пострадавшего совершенно здоровым. Безусловно, среди обращавшихся с большой долей вероятности были, в том числе, симулянты, пытавшиеся использовать положения закона с целью прогула, но сам по себе факт массовых обвинений работавших на предприятиях врачей свидетельствует в пользу недобросовестности последних [4, д. 4, л. 100, 100 об.].

Также зачастую предложения о принятии новых законов встречали упорное сопротивление как со стороны фабрикантов, так и представителей власти, и между составлением проектов законов и их принятием проходили годы и даже десятилетия. Так, между составлением проекта закона об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими и его реализацией прошло 23 года [2, д. 4782, л. 117].

В течение Первой мировой войны было принято достаточно небольшое число законов, имевших непосредственное отношение к фабричному законодательству. 13 июля 1915 г. был выпущен циркуляр МВД, предписывавший усилить полицейский надзор за рабочим движением, согласно которому военнообязанные рабочие, получавшие отсрочку и остававшиеся на заводах, выполнявших заказы военного ведомства, в случае участия в стачках и неявки на работу должны были направляться на сборные пункты для отправки в действующую армию [13, с. 24].

19 октября 1915 г. фабричное законодательство дополнил акт «О допущении некоторых отступлений от правил о работе женщин, подростков и малолетних, а также о продолжительности и распределении рабочего

времени». Суть его заключалась в том, что министру торговли и промышленности было предоставлено право разрешать отступление от соответствующих законов на предприятиях, работавших на оборону. При этом важно подчеркнуть, что в число подпадавших под действие данного положения вошли лишь статьи, ограничивающие рабочее время, но не запрещающие работу детей в ряде производств. Ходатайства о применении закона на практике должны были возбуждаться через старших фабричных инспекторов. Они обязаны были направлять их непосредственно в отдел промышленности МТП в порядке срочных представлений, причем со своими заключениями относительно условий, на которых запрашиваемые отступления могли быть разрешены. В случае экстренной надобности ходатайства следовало передавать по телеграфу [9, с. 143-144].

Используя возможности, предоставленные новым законом, фабриканты периодически обращались в губернские присутствия по фабрично-заводским делам с просьбами об увеличении рабочего дня для подростков 12-15 лет до 9 часов. Также собственники предприятий добивались использования труда женщин на заводах круглые сутки в три смены по 8 часов каждая или в 4 смены по 6 часов. Как правило, подобные прошения отклонялись (добиться желаемого не могли даже такие влиятельные лица как Д. Г. Бурылин – хозяин фабрики с более чем миллионным оборотом), однако чиновники все же шли на некоторые уступки промышленникам. Так, имели место случаи санкций на использование труда несовершеннолетних в воскресные и праздничные дни [1, д. 1346, л. 1-14; 5, д. 319, л. 1, 4-6, 9-11, 14, д. 320, л. 1, д. 338, л. 2-4, д. 339, л. 2-4].

Кроме того, наличие в новом законе и ранее выработанных нормах неясных формулировок и противоречий оставляло достаточно широкую свободу для истолкования первых. Так, костромское губернское присутствие отклонило ходатайство наследников П. Ф. Севрюгова о допущении на принадлежащем им заводе работ малолетних в высокоторжественные (царские) дни. Но в то же время аналогичное ходатайство заведующего фабрикой Товарищества Муромской мануфактуры льняных изделий Н. А. Воронова, после разъяснения Главного присутствия, одобрило владимирское губернское присутствие.

До издания 2 июня 1907 г. закона о продолжительности и распределении рабочего времени, праздничный отдых малолетних рабочих регулировался ст. 110 «Устава о промышленности». С изданием указанного закона в этот «Устав» было включено постановление о подчинении малолетних рабочих общим правилам о праздничном отдыхе. При этом из ст. 110 особые постановления о праздничных днях формально исключены не были, благодаря чему возникла возможность истолковывать закон таким образом, что в расписание праздников для малолетних рабочих необходимо включать все праздничные дни, в которые не полагается работа для взрослых. Ввиду подобной редакционной неточности и, принимая во внимание, что упомянутые в ст. 110 высокоторжественные дни не указаны в числе праздников, в которые, согласно ст. 156 «Устава о промышленности», не полагаются работы для взрослых рабочих, Государственная канцелярия при издании «Устава о промышленном труде» исправила редакцию ст. 110 в соответствии со ст. 156 (слово «высокоторжественные» было заменено словом «праздничные»). Таким образом, по решению присутствия, было установлено, что работа малолетних в высокоторжественные дни в принципе не воспрещена, и для заведующего фабрикой Н. А. Воронова вообще не требовалось никакой санкции властей [1, д. 1365, л. 3].

Таким образом, за время войны в российском законодательстве появился отдельный комплекс законов, призванных служить основой для мобилизации промышленности и транспорта на нужды войны. Власти пошли на реформирование финансовой сферы, установление предельных цен на отдельные виды товаров, ограничение экспорта стратегического сырья и его оборота на внутреннем рынке. Также было санкционировано прямое вмешательство властей в деятельность предприятий во имя нужд обороны вплоть до нарушения прав собственников в плане пользования их имуществом. Кроме того, был законодательно закреплен особый режим перевозок на железнодорожном транспорте, предусматривавший приоритетное обслуживание грузов, имевших отношение к оборонному заказу. Был издан ряд законов, ограничивавших стачечную активность и допускавших использование на производстве дополнительной рабочей силы в лице военнопленных и «желтых рабочих». Государство получило ряд прямых и косвенных рычагов воздействия на производство и формально обладало всем объемом полномочий для регулирования ситуации в данной сфере.

Помимо того, правительство ослабило законодательные барьеры, ограждавшие определенные категории рабочих по половозрастному признаку от чрезмерной эксплуатации, и ограничило право наемных работников на организацию забастовок. При этом прочие законы, защищавшие права наемных работников, продолжали действовать. Однако при этом недоработки законодательной базы трудовых отношений в сфере промышленности так и не были устранены, в результате чего в распоряжении предпринимателей оказался достаточно обширный набор приемов, позволявших обойти закон, не нарушая его буквы. На протяжении войны отсутствие организованного на должном уровне контроля за соблюдением норм права со стороны предпринимателей и неадекватная мягкость санкций за их нарушение по-прежнему выступали в качестве факторов, определявших характер взаимоотношений между собственниками предприятий и их работниками. Кроме того, вне сферы действия фабричного законодательства оставалось множество мелких и кустарных предприятий. В результате сложилась ситуация, которая, наряду с прочими факторами, могла привести к росту враждебных по отношению к существующему строю настроений среди рабочих. Смягчить ситуацию не могли даже законодательные нормы, призванные поддержать семьи мобилизованных на фронт рабочих, т.к. сфера их применения ограничивалась казенными заводами, размеры предусматривавшейся ими поддержки были достаточно скромными, а условия получения разного рода пособий содержали оговорки, которые заметно сужали и без того ограниченный контингент патронировавшихся государством лиц.

Список литературы

1. **Государственный архив Владимирской области** (ГАВО). Ф. 262. Оп. 1.
2. **ГАВО.** Ф. 266. Оп. 1.
3. **ГАВО.** Ф. 704. Оп. 1.
4. **Государственный архив Костромской области** (ГАКО). Ф. 383. Оп. 1.
5. **ГАКО.** Ф. 1276. Оп. 1.
6. **Государственный архив Ярославской области** (ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1.
7. **Законодательные акты, вызванные войной 1914-1916 гг.**: Законы, Манифесты, Рескрипты, Указы, Положения Совета министров, Военного и Адмиралтейств-Советов, Распоряжения и Постановления Министров и др. Изд-е 2-е. Петроград, 1915. Т. 1.
8. **Законодательные акты, вызванные войной 1914-1916 гг.**: Законы, Манифесты, Рескрипты, Указы, Положения Совета министров, Военного и Адмиралтейств-Советов, Распоряжения и Постановления Министров и др. Изд-е 2-е. Петроград, 1916. Т. 2.
9. **Законодательные акты, вызванные войною 1914-1916 гг.**: Законы, Манифесты, Рескрипты, Указы, Положения Совета министров, Военного и Адмиралтейств-Советов, Распоряжения и Постановления Министров и др. Петроград, 1916. Т. 3.
10. **Новиков А. В.** Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 г.: хроника 1895-1905 гг. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. Вып. 1.
11. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 23. Оп. 20.
12. **Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 год.** СПб., 1904.
13. **Таль Л. С.** Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.
14. **Шелымагин И. И.** Фабрично-трудовое законодательство в России: 2-я половина XIX века. М., 1947.

LEGISLATIVE ACTS AS INDUSTRIAL CRISIS INDICATOR DURING THE FIRST WORLD WAR (1914-1917)

Sergei Igorevich Belov
Department of Russian History
Ivanovo State University
Belov2006S@yandex.ru

The author discusses the legislative acts of the First World War (1914 - February 1917) as industrial crisis indicator in Russia, and analyzes the influence of fuel, raw materials and transport crises on native industry development and their reflection in national legislation.

Key words and phrases: First World War; industry; government order; transport crisis; fuel crisis; raw materials crisis.

УДК 1:316(47+57)

Статья посвящена рассмотрению проблемы «особого пути» России, которая занимает важное место в социально-философской концепции славянофилов XIX века. Основное внимание автор уделяет анализу исторических предпосылок развития мессианских воззрений ранних славянофилов и приходит к выводу, что наиболее значимыми из них являются реализация механизмов национального самосознания после победы в Отечественной войне 1812 г. и влияние немецкой философской мысли начала XIX века, сконцентрированной на идее национального своеобразия и предназначения нации.

Ключевые слова и фразы: раннее славянофильство; «особый путь» России; православие; механизмы национального самосознания; влияние немецкой философии; мессианизм и миссионизм; проблема «особого пути» в условиях современности.

Артём Николаевич Беляев
Кафедра философии
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
beart60@yahoo.com

ПРОБЛЕМА «ОСОБОГО ПУТИ» РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ XIX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ©

Взятые в совокупности, взгляды видных представителей раннего славянофильства составляют уникальную философскую концепцию, составные части которой гармонично дополняют друг друга. Мысль об «особом пути» России является в ней одной из ключевых. Так, А. С. Хомяков пытался доказать, что историческая жизнь народов во многом определена формами религии и типами их мышления. В истории Европы, по его мнению, у России особое место. Именно Россия спасла Европу от ига монголо-татар. «Гроза налетела с Востока, ужасная, сокрушившая все престолы Азии, достаточная для уничтожения всей Европы, если бы Европа не была спасена

© Беляев А. Н., 2012